

Рикун И.Э. Время больших ожиданий. И больших раз очарований : (20 е годы прошлого века в истории ОННБ имени М. Горького) // Наукова бібліотека : стратегія інноваційного розвитку : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. 180-річчю ОННБ імені М. Горького (Одеса, 24-25 верес. 2009 р.) / упоряд. М.В. Тетенко ; ред. І.С. Шелестович. – О., 2010. – С. 148-170. – Електронний варіант ; Морія : альманах. – О., 2010. – С. 162-184 : фото.

**Время больших ожиданий.
И больших разочарований
(20-е годы прошлого века в истории
ОННБ имени М.Горького)***

7 февраля 1920 года в Одессу вошла Красная Армия.

Советская власть установилась в Одессе в третий раз. Тогда считали, что навсегда. И еще больше семидесяти лет так считали. Одним слово «навсегда» звучало малиновым звоном, другим – погребальным. Многие из этих других покинули Россию. Тоже навсегда. Был среди них и директор Одесской публичной библиотеки Михаил Георгиевич Попруженко [1]. Крупный славист, профессор Новороссийского университета, он четверть века служил библиотеке и покинул её в одночасье. Еще 19 января просил городскую управу «отпустить на зарплату служащим в текущем году 22 374 руб.», потом написал прошение о двухмесячном отпуске и отплыл из Одессы чуть ли не последним пароходом. «Вследствие крайней поспешности отъезда он не успел передать дела своему помощнику, Л.М.де-Рибасу, и оставил их в изрядном беспорядке» [2].

29 января общее собрание служащих библиотеки предложило директорский пост старейшему работнику библиотеки, 40 лет проработавшему в ней, Людвигу Михайловичу де-Рибасу [3], однако тот категорически отказался. Тогда был избран брат бывшего директора – Сергей Георгиевич Попруженко [4], известный метеоролог, приват-доцент Новороссийского университета. Однако приступивший к своим обязанностям Губернский отдел народного образования самовольные выборы отменил и назначил директором библиотеки бывшего сотрудника Российской публичной библиотеки Александра Исаевича Браудо [5]. В июле 1919 г. тот приехал из Петрограда в Одессу к семье, заболел здесь сыпным тифом и поэтому то ли не смог вернуться в Петроград, то ли не смог эмигрировать.

Приняв на себя обязанности директора, А.И.Браудо столкнулся с большими трудностями. Библиотека нуждалась в ремонте: текла крыша, были поломаны ворота, разбито 18 стекол, архитектурные элементы грозили падением, не работал водопровод, отсутствовало электрическое освещение, здание не отапливалось, температура в нем была от 4 до 7 градусов мороза. Буквально через два дня после прихода красных в «Известиях Одесского губернского революционного комитета» была напечатана заметка, подписанная «Рабочий», с требованием «открыть публичную библиотеку, закрытую при добровольцах». Рабочий комитет библиотеки принял решение с 12 февраля открыть библиотеку для публики. Первое, что надо было сделать, – это спасти библиотеку от разграбления. 21 февраля Губнаробраз выдал «охранную грамоту», в которой значилось, что «все помещения и все имущество Публичной библиотеки, заключающееся в книгах, рукописях, музейных предметах, мебели и всякой другой обстановке, находится на учете в Губотделе народного образования и никакой реквизиции и выемке не подлежит». Правда, в конце была сделана приписка красными чернилами, что по распоряжению самого губотдела изъятие возможно.

В апреле 1920 г. А.И.Браудо подает развернутую записку в библиотечную секцию Губнаробраза с просьбой об увеличении ассигнований и штата. В начале года в библиотеке работало всего 29 человек, из них 9 – технический персонал. В то же время фонд библиотеки значительно пополнился за счет книг, подаренных (так, покидая в 1919 г. Одессу, попечитель библиотеки М.М.Толстой [6] передал в дар ценнейшую коллекцию роскошных изданий XIX века), реквизированных или обнаруженных в квартирах, оставленных владельцами. Последних, естественно, было гораздо больше. Вот выдержка из статьи С.Я.Борового: «В 1920-1922 гг. в библиотеку были свезены многие десятки тысяч книг из библиотек бежавших из Одессы богачей, ликвидированных учреждений и учебных заведений (напр., духовная семинария, кадетский корпус и т.д.» [7]. В архиве ОННБ хранится письмо директора упомянутого выше кадетского корпуса, Владимира Александровича Бернацкого, от 21 января 1920 г. следующего содержания: «Ввиду предположенной высшими властями эвакуации вверенного мне корпуса из г. Одессы, а также не желая подвергать разным случайностям собранные мною исторические материалы (автографы, газеты, фотографии и пр.), относящиеся к истории моего рода, к истории Одессы и к истории

Одесского кадетского корпуса, приношу их в дар Одесской городской публичной библиотеке». Кстати, сохранивший хладнокровие в обстановке общей паники (почитайте хотя бы рассказ И.А.Бунина «Конец»), В.А.Бернацкий из Одессы не бежал. Предприняв безуспешную попытку устроиться на работу в библиотеку, он был использован советской властью по специальности: стал заведующим учебной частью Одесских пехотных командных курсов. Дальнейшую его судьбу вполне можно себе представить.

Пребывание А.И.Браудо в библиотеке было недолгим, в декабре 1920 г. он был вызван Наркомпросом РСФСР в Петроград и занял пост заместителя директора Российской публичной библиотеки. Однако сделать он успел немало. В июне 1920 г. в библиотеке было уже 36 служащих, при нем пришли И.С.Вугман [8], П.С.Шестериков [9], А.М.Тюнеева [10]. А.И.Браудо задумал создать систематический каталог (были получены карточки, однако получить картон для разделителей не удалось), «зародил стремление к получению общереспубликанского обязательного экземпляра, втянул библиотеку в круг активных крупных библиотек-книгохранилищ, выдвинул на передний план дело обслуживания читателя при помощи библиографической консультации» [11]. Интересно, что именно А.И.Браудо, столкнувшись с проблемой сохранности фонда, ввел в июле 1920 г. индикатор «для тщательного контроля за выдачей книг». Он обращался в библиотечную секцию Губнаробраза с просьбой помочь приспособить для хранения книг подвальное помещение, не вполне законченное при постройке библиотеки. Необходимо было возвести простенки, настелить пол, оборудовать помещение полками, навесить железные двери. За неимением средств в просьбе было отказано.

В ноябре 1920 г. скончался Е.Н.Щепкин [12], историк, профессор Новороссийского университета, общественно-политический деятель, возглавлявший на тот момент Губнаробраз, и его имя было присвоено библиотеке. Это имя она носила недолго. Уже в 1922 г. в документах библиотеки оно не упоминается. В феврале 1924 г. библиотека ходатайствовала о присвоении ей имени В.И.Ленина, однако разрешение не было получено.

После отъезда А.И.Браудо должность директора временно замещал Л.М.де-Рибас. В марте 1921 г. директором был назначен А.В.Флоровский [13], историк, профессор Новороссийского университета, «оказавшийся, однако, настолько слабым руководителем библиотеки, что по настоянию старших сотрудников скоро (а именно в ноябре 1921 г.) подал в отставку» [14]. Через год он был выслан из страны. Отдел народного образования созвал совещание с участием ученых города и сотрудников крупнейших библиотек, на котором была предложена кандидатура Александра Михайловича де-Рибаса [15], литератора, библиографа, знатока истории Одессы. 16 декабря 1921 г. он возглавил библиотеку и оставался на этом посту до конца 1923 г.

19 апреля 1922 г. умер Л.М. де-Рибас. «Выход из строя этого выдающегося работника, помнившего почти каждую книгу, державшего в руках все нити, а в своей исключительной памяти массу фактов, касающихся всех сторон жизни библиотеки, на целые полгода внес смятение в работу, и только благодаря напряженному и дружному усилию всего коллектива старших сотрудников удалось ликвидировать получившуюся заминку» [16]. П.С.Шестериков, бывший многолетний директор библиотеки Новороссийского университета, предложил увековечить память Л.М.де-Рибаса, повесив его портрет в одном из залов библиотеки. Фотография Л.М.де-Рибаса несколько лет висела в помещении каталогов.

В 1921 г. начался переход к нэпу, одной из задач которого было урегулирование денежного обращения. Все возрастающая инфляция обесценивала получаемые библиотекой средства. Хочется привести любопытный факт: в августе 1922 г. на библиотечные нужды было отпущено 1 229 105 000 руб. Ну как не вспомнить популярную в то время одесскую песенку:

Забегая я в буфет,
Ни копейки денег нет,
Разменяйте двести миллионов.

В конце 1922 г. были выпущены первые устойчивые денежные знаки в золотом исчислении – червонцы. Новая экономическая политика попыталась внести коррективы в работу библиотеки. В конце октября 1922 г. Главный политико-просветительский комитет при Народном комиссариате просвещения послал всем государственным библиотекам Украины, в том числе и ОПБ, циркуляр о самокупаемости. Предлагалось ввести плату за чтение, но так, чтобы не пострадали пролетариат, красноармейцы, крестьянская беднота. Вот выдержка из ответа А.М.де-Рибаса: «За все 93 года своего существования библиотека не взимала никакой платы со своих посетителей, более того, она представляла в их распоряжение огромный, уютный, теплый зимой; представляла чернила, перья и даже бумагу. Все это делало её абсолютно общедоступной... Совершенно такою же абсолютно бесплатной и общедоступной остается Одесская публичная библиотека и по сей день. Ни одно учреждение в Одессе – ни Губполитпросвет, ни Губнаробраз, ни Губисполком – не поднимало вопрос о самокупаемости – полной или частичной – Публичной библиотеки: всем им известен характер, деятельность, значение и традиции Библиотеки». Вопрос о самокупаемости был снят.

Казалось бы, А.М. де-Рибасу удалось убедить руководство в том, что библиотека является одной из крупнейших и ценнейших в стране: она была причислена к государственным библиотекам Украины и с 1 ноября 1922 года стала официально именоваться Одесской государственной публичной библиотекой. Однако реальное положение библиотеки от этого не улучшилось. В марте 1923 года А.М.де-Рибас вновь шлет докладную записку в Главполитпросвет, в которой пишет, что 4 года библиотека не отапливается. Ни топлива, ни средств, ни отказа от Главполитпросвета не было получено. «На ходатайства об утверждении штатов, сметы, устава, снабжении иностранной научной литературой, обеспечении безопасности библиотеки (в течение 1921 и 1922 гг. она 12 раз обворовывалась), переплете книг, сохранности здания, печатании каталогов также ответа не последовало». На этот раз ответ последовал быстро. Он гласил, что согласно постановлению Совнаркома библиотека снимается с госснабжения и переходит на местные средства. Несколько месяцев царил полная неразбериха: декрет не опубликован и библиотека на местный бюджет принята быть не может. В итоге, библиотека формально остается на общегосударственном бюджете, но значительную часть средств все 20-е годы получает от Одесского исполкома, из местных средств.

12 ноября 1923 г. состоялось совещание коллегии одесского Губполитпросвета, на котором был заслушан доклад А.М.де-Рибаса о деятельности библиотеки. Проверяющая, некая товарищ Подгорнская, заявила, что «библиотека производит впечатление кладбища» [17]. Постановили поддержать предложения директора библиотеки об организации кабинета марксизма и ленинизма, усилении её библиографической работой, о печатании уже подготовленных трех томов каталогов и взятии трех дополнительных работников на местный бюджет.

1923 год был не только холодным, но и голодным. В архиве библиотеки хранятся 14 ордеров Американской администрации помощи (АРА) на получение продовольственных пакетов. Первые 7 пакетов были адресованы безымянным библиотекарям их коллегами, членами Американской библиотечной ассоциации, вторые были уже именными. Каждый пакет содержал 54¼ фунта муки, 27¼ фунта риса, 11 фунтов 7 золотников сахара, столько же сала, 3 фунта 20 золотников чая и 20 банок молока.

И все-таки, даже в самые холодные зимние дни библиотека, пусть по несколько часов, открыта для читателей, и её посещает до 70 человек в день. В теплые месяцы число читателей возрастает в среднем до 250-300 в день. Зимой 1923-1924 гг. библиотека, наконец, стала отапливаться. Народным комиссариатом просвещения было закуплено для неё 6000 пудов донбасского угля. Интересно, что часть угля библиотека получила от еврейской благотворительной организации Джойнт (Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов; до 1931 г. – Комитет по распределению фондов помощи евреям, пострадавшим от войны), и в марте 1924 г. 24 сотрудника получили по 5 пудов из остатков «джойнтового» угля, «неиспользованного за непригодностью для центрального отопления».

В декабре 1923 г. А.М.де-Рибас переходит на библиографическую, книговедческую и краеведческую работу. Директором библиотеки становится Илья Семенович (Симонович) Вугман. Работа библиотеки постепенно налаживается. Её структура претерпевает изменения, создаются новые отделы. До революции было всего два отдела: отдел выдачи книг и отдел пополнения и каталогизации, который назывался канцелярией. В 1922 году усилиями А.Н.Тюнеевой был создан отдел редких изданий, в следующем году – справочно-библиографический, который возглавил будущий академик Алексей Михайлович Алексеев [18]. А.М.де-Рибас приступил к организации отделов «Ukrainica», «Moldavica», «Odessica» и созданию существующей по сей день краеведческой картотеки; в 1925 году к ним добавились отдел марксизма и ленинизма и отдел книгохранения. Деятельность библиотеки приобретает научный характер, в ней начинают работать консультантами как сложившиеся ученые, такие как историк, приват-доцент Новороссийского университета Евгений Александрович Загоровский [19], так и совсем тогда молодые, ставшие в будущем известными библиографами и учеными Эммануил Григорьевич Оксман [20], Сергей Петрович Шестериков [21], Саул Яковлевич Боровой [22].

30 января 1924 г. постановлением коллегии Наркомпроса УССР библиотека включается в число научных учреждений, но почему-то остается в ведении Главполитпросвета. Библиотека и местные органы власти неоднократно обращаются с просьбами о переподчинении библиотеки. Вот выписка из протокола заседания Губнаробраза от 24 марта 1925 г.: «Считать целесообразным передачу Одесской публичной библиотеки в подчинение Главнауки» [23]. Совместные усилия увенчались успехом лишь в 1928 г., о чем свидетельствует следующий документ: «Упрнаука НКП УССР сообщает согласно распоряжения по НКП УССР 19 марта 1928 г. (№ 10, §12) Одесская государственная публичная библиотека передана из ведения Украинского политпросвета НКП УССР в ведение Украинскими научными учреждениями НКП УССР» [24].

Еще в 1921 г. библиотека начала добиваться права на получение обязательного экземпляра всего, издаваемого в Украине и Советской России. 17 марта этого года был издан приказ Одесского губисполкома, который предписывал всем советским учреждениям, как гражданским, так и военным, партийным и общественным, предоставлять библиотеке по два экземпляра всех

своих изданий. В 1922 г. периодически поступали книги из Украинской и Российской книжных палат, в феврале 1923 г. библиотека была включена в список библиотек, получающих обязательный экземпляр всех изданий, получаемых Книжной палатой РСФСР, а со следующего года пополнение фонда за счет обязательного экземпляра стало систематическим. Так, если в 1922 г. в обязательном порядке поступило 10 900 книг, то в 1926 г. – 54 973 [25]. В 1925 г. возобновилось снабжение библиотеки иностранной литературой, на что Наркомпросом были впервые отпущены 700 червонцев; библиотека налаживает связи с ведущими зарубежными издательствами.

В том же году началась работа библиотеки в две смены, количество сотрудников было доведено до 57, 30 содержались за счет госбюджета, 27 – за счет субсидии Одесского исполкома [26]. Этому способствовала поддержка ученых города, направивших в президиум губернского исполкома письмо с просьбой «в интересах молодой советской науки, едва только получившей возможность правильно развиваться... сохранить для профессуры, научных работников, студенчества и широкой массы читающей публики ... непрерывное её (библиотеки) функционирование в течение 10 часов, для чего предоставить библиотеке соответствующие средства» [27]. Среди 28 подписавшихся были такие известные ученые, как К.П.Добролюбский, Е.А.Шевалев, Б.В.Варнеке, В.Ф.Лазурский. Благодаря предоставленным исполкомом средствам библиотека наконец-то получает возможность приступить к оборудованию книгохранилища в подвальном помещении и седьмого яруса главного книгохранилища, сделать ремонт в большом читальном зале, а также организовать собственную переплетную мастерскую.

Растет количество читателей (с 2917 в 1922 г. до 9047 в 1926), посещаемость (с 19 999 в 1922 г. до 130 427 в 1926), книговыдача (с 41 007 в 1922 г. до 209 847 в 1926) [28]. В библиотеке постоянно действует выставка новых поступлений, систематически организуются тематические выставки, посвященные персоналиям (В.И.Ленин, И.Франко, А.Блок, к 30-летию смерти С.М.Степняка-Кравчинского, к 15-летию смерти Л.Толстого, к 100-летию со дня рождения Н.Г.Чернышевского), странам (Англия, Польша, Турция), различным отраслям науки, техники и искусства (бактериология, хирургия, туберкулез, фармация, гигиена, физкультура, психотехника, кино, нефть, строительство) и др.

В библиотеке проходят торжественные публичные заседания, посвященные памяти В.И.Ленина (8 марта 1924 г.), 200-летию АН СССР (13 сентября 1925 г.), второй годовщине смерти В.И.Ленина (31 января 1926 г., совместно с Центральной научной библиотекой). В конце 1927 года в библиотеке начинается цикл лекций краеведческого характера, рассчитанный на студентов, а также на преподавателей средней и высшей школы. К чтению лекций привлекаются не только ведущие сотрудники библиотеки, но и ученые [29]. Систематически проводятся экскурсии в библиотеку, особенно популярен был Музей книги при отделе редких изданий, куда приходят не только представители советских учреждений, но и немецкий, итальянский, японский консулы (кстати, немецкий консул постоянно дарил библиотеке книги и периодику на немецком языке). Библиотеку показывают часто приезжавшим тогда заграничным делегациям, например, американской делегации ректоров (1929).

Библиографические списки, к памятным датам и тематические, печатаются в местных «Известиях» и журнале «Коммунист».

Библиотека возобновляет прерванный революцией книгообмен с библиотеками и учреждениями, такими как Публичная библиотека имени В.И.Ленина, Донская публичная библиотека имени К.Маркса (Ростов-на-Дону), Среднеазиатская государственная библиотека (Ташкент), Государственный историко-художественный музей в Сергиевом Посаде, Общество друзей древней письменности (Ленинград), Государственный музей изящных искусств (Москва), Центральное бюро краеведения при АН СССР, Библиотека Конгресса (США), Нью-Йоркская публичная библиотека, Библиотека Нового Южного Уэльса (Австралия), Еврейская национальная библиотека (Иерусалим), Болгарская АН, Общество друзей русской книги (Париж).

В 1926 году началась работа по созданию предметного каталога, который есть далеко не во всех ведущих библиотеках мира, он ведется по сей день и является гордостью библиотеки.

Достижения библиотеки в 20-е годы несомненны. Существует всего три источника [30], посвященных этому периоду, и в них эти достижения раскрыты достаточно подробно. А вот большинство трудностей и проблем, связанных не с «тяжелым наследием проклятого прошлого», а с колебаниями политики советской власти, либо не упомянуты в них вовсе, либо о них говорится только намеками.

Все 20-е годы необходимость существования библиотеки как самостоятельного учреждения подвергалась сомнению. 26 июля 1924 г. был издан приказ Главполитпросвета, который гласил, что «Одесская государственная научная библиотека объединяется с Одесской центральной губернской, Украинской им. Т.Шевченко, Еврейской научной, 1, 2 и 4-й городскими и Центральной детской библиотеками... Объединение этих библиотек получает наименование Одесской государственной публичной библиотеки им. Октябрьской революции... Прежняя Одесская государственная публичная библиотека переименовывается в Научное отделение и

государственное книгохранилище Одесской государственной публичной библиотеки и продолжает работать на прежних основаниях». Однако слияние это вызвало такую путаницу в отношении бюджета, кредитов, переписки, а также в головах читателей, что уже к концу года было отменено.

В начале 1927 г. опять был поставлен вопрос об объединении, на этот раз с Центральной научной библиотекой (бывшая университетская, директор С.Л.Рубинштейн [31], Украинской государственной имени Т.Шевченко (директор Б.М.Комаров [32] и Еврейской академической (директор Э.Иерусалимский [33]. К решению этого вопроса была привлечена научная общественность. Комиссия ученых (в её состав в качестве секретаря входил выдающийся математик Н.Г.Чеботарев), обследовав библиотеки, пришла к выводу, что объединение нецелесообразно [34], заседание глав научно-исследовательских кафедр и учреждений постановило то же самое [35], несколько раз заседавшая специально созданная комиссия по делу объединения больших библиотечных книгохранилищ разработала (после жарких споров между Вугманом и Рубинштейном о том, чей проект принять за основу) резолюцию о безусловном и необходимом одновременном и отдельном существовании библиотек [36]. Тем не менее, осенью 1930 г. по распоряжению Наркомпроса библиотека была слита с Центральной научной и Украинской государственной библиотеками. Собрание Украинской государственной библиотеки рассеялось в фондах Публички. Слияние же с такой крупной библиотекой, как университетская, имело, по словам С.Я.Борового, «чисто внешний, механический характер» [37]. В 1933 г. восстановленному университету его библиотека была возвращена. Речь о присоединении Еврейской академической библиотеки тогда не шла. По одному из найденных в интернете источников (Еврейская электронная энциклопедия) она к тому времени была ликвидирована, по другому (воспоминания Э.Иерусалимского) – еще некоторое время существовала самостоятельно.

Не обошла библиотеку стороной и украинизация. В апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) объявил коренизацию официальным курсом партии в национальном вопросе. В том же месяце VII конференция КП(б)У заявила о политике украинизации, что и было сразу же оформлено декретами украинских ЦИК и Совнаркома. Украинизацию госструктур и предприятий планировалось закончить до 1 января 1926 г. Вся документация должна была вестись на украинском языке, рабочие и служащие предприятий и учреждений были обязаны выучить украинский язык под угрозой увольнения с работы. Провести украинизацию в столь сжатые сроки, конечно же, было нереально. Документы Наркомпроса стали поступать на украинском языке с конца 1924 г., тогда же на украинский язык было переведено и делопроизводство библиотеки. Был создан кружок по изучению украинского языка и украиноведению, отдел «Украиника», начал создаваться каталог книг на украинском языке, книг, изданных в Украине, а также изданных за её пределами, но к ней относящихся; библиотека получила украиноязычную литературу из Львова от НТШ, из Чехословакии; систематически организовывались выставки украинской тематики, проводились месячники украинской книги.

В конце 1927 г. было проведено обследование состояния украинизации библиотеки, и его признали удовлетворительным [38]. Однако через год специальная окружная комиссия по украинизации заявила следующее: «Внешне украинизация проведена, делопроизводство ведется на украинском языке... Живой язык – русский, собрания проводятся на русском, хотя протоколы пишутся на украинском... В общении с читателями звучит русский язык, в консультационном бюро сидит сотрудник, совершенно не знающий украинского языка... Поражает мизерное количество украинских книг: на 800 тысяч всего 6 тысяч... Вяло ведется работа по организации кабинета украиноведения... Все в Музее остается в его святой ненарушимости, не показана история советской книги на украинском языке... Комиссия считает украинизацию ОГПБ неудовлетворительной, необходимы решительные и срочные меры для решения этого вопроса» [39]. И меры были приняты. 8 апреля 1929 г. в библиотеке был издан следующий приказ, подписанный врио директора Е.О. Ниринской: «Останніми часами спостерігається, що співробітники Бібліотеки як між собою, так і з відвідувачами деколи говорять російською мовою, тому пропоную співробітникам вживати між собою і з відвідувачами виключно укромову». Но говорить исключительно на украинском языке сотрудникам долго не пришлось. Начиная с 1930 г. в партийных кругах усиливается активное противодействие украинизации. В 1932-1933 гг. она была фактически остановлена, многие, поддерживавшие её, были репрессированы. Любопытно в исторической перспективе взглянуть на то, как С.Я.Боровой мотивирует произошедшую тогда же ликвидацию украинского отдела библиотеки: «Только национальная политика советской власти обеспечила необычайный расцвет украинской социалистической культуры. Выпуск книг на украинском языке увеличился в несколько десятков раз (в сравнении с дореволюционным временем). Тогда возросла необходимость уделить особое внимание работе с украинской книгой. Через несколько лет, когда украинская книга окончательно укрепила свое положение и когда, таким образом, исчезла необходимость специально продвигать её к читателю, существование особого украинского отдела утратило свой смысл» [40].

Отдельной эпопеей можно выделить длительную борьбу библиотеки за её расширение, начатую еще в 1924 г., когда библиотека ходатайствовала о передаче ей здания дважды

сгоревшего театра Сибирякова по ул. Пастера, 15. В декабре 1925 г. в президиум Одесского окрисполкома была подана докладная записка с ходатайством о расширении усадьбы библиотеки либо за счет здания театра, «либо за счет отделенного от библиотеки переулка дома № 11, который должен быть соединен со зданием библиотеки посредством арки или подземного хода» [41]. Окркоммуналдел создал специальную комиссию, состоящую из инженеров и архитекторов [42]. В её состав вошли создатель здания библиотеки Ф.П.Нестурх [43] и создатель здания театра Сибирякова М.И.Линецкий [44], а также директор библиотеки И.С.Вугман. Комиссия неоднократно заседала, был составлен список из 37 пунктов с перечнем помещений, необходимых библиотеке при расширении [45]. Жаркие споры вызвали варианты расширения библиотеки. Расширение за счет театра было признано нежелательным, в здании театра должен быть театр, лучшим вариантом сочли расширение за счет дома № 11, если же это окажется невозможным, то следует построить библиотеку на новом месте, находящемся в районе вузов, т.е. между Преображенской и Старопортофранковской [46]. Здание по ул. Пастера, 11, принадлежало Медицинскому институту, и он категорически возражал против передачи его библиотеке [47].

Летом 1927 г. отдел государственного финансового контроля при Окружном финансовом отделе провел ревизию библиотеки и предложил: «к расширению библиотеки приступить самым срочным порядком; создать немедленно комиссию по расширению библиотеки для выработки плана и программы расширения» [48]. Комиссия Политпросвета секции наробраза Одесского горсовета обследовала библиотеку. На заседании комиссии от 2 ноября 1927 г. были заслушаны доклад Вугмана об истории и деятельности библиотеки [49] и содоклад члена комиссии Гордона [50], на их основе принята резолюция, в которой отмечалось, что за отсутствием места свыше 300 000 книг, «ценный дар революции», лежат штабелями, библиотека остро нуждается в расширении и «комиссия ставит перед президиумом Горсовета неотложный вопрос о расширении нынешнего здания библиотеки за счет соседних зданий (Пастера, 15 и Софиевский пер., 9)». Необходимо ходатайствовать перед центром об ассигновании на это средств [51].

Средства на расширение, а именно на строительство нового хранилища, действительно были выделены центром. Но только через сорок лет! Строительство с перерывами велось четырнадцать лет. Кстати, на земле, подаренной библиотеке М.М.Толстым. Основное здание, памятник архитектуры, было построено за три года.

К концу 1920-х годов политика Советской власти стала ужесточаться, был выдвинут тезис об усилении классовой борьбы. 31 января 1928 г. библиотека получила от начальника окротдела ГПУ под грифом «Совершенно секретно», литера «А» предписание о создании секретного отдела. Следовало немедленно отвести для него специальное помещение, в котором должны были храниться следующие издания: «все советские издания с надписью «секретно», «не подлежит оглашению», и «только для членов партии»; советские издания, по тем или иным причинам конфискованные; периодические и непериодические издания антисоветского характера, вышедшие в свет с февраля 1917 г.; иностранная политическая антисоветская литература». Ведать секретным отделом должно было лицо, выделяемое на эту работу по согласованию с окротделом ГПУ. Литературу можно было выдавать только для научно-исследовательской работы по ходатайству соответствующих органов. Необходимо было завести специальный учет лиц, пользующихся литературой из секретного отдела [52]. С этого времени в библиотеку постоянно поступают требования вернуть секретным порядком то или иное издание в Книжную палату, перевести книгу в секретное хранение, уничтожить указанные страницы. Народ не сразу разобрался в тайных знаках на получаемых документах, поэтому пришлось разъяснение, что литера «В» означает «тайно», литера «А» – «тайно-срочно», серия «К» – «совсем тайно-срочно в собственные руки». А ежели ставить другие буквы, то нарушается военная тайна [53].

Закручивались гайки и в отношении дисциплины. В 1926 г. были приняты правила внутреннего распорядка, регламентировавшие работу сотрудников библиотеки. Опоздание на срок свыше 15 минут считалось прогулом со всеми вытекающими из этого последствиями. Пропущенное по неуважительной причине рабочее время так же считалось прогулом. Является ли причина уважительной, устанавливала администрация. В октябре того же года был издан приказ о порядке контроля за своевременностью прихода на работу и ухода с неё. Каждый сотрудник еженедельно, в среду, получал в канцелярии контрольный листок, который необходимо было предъявлять гардеробщику для фиксации времени прихода и ухода с помощью контрольных часов. Делать это было обязательно, покидая библиотеку даже на самое непродолжительное время. Отсутствие на контрольном листке отметки о приходе было равнозначно неявке на работу, отсутствие отметки об уходе означало, что сотрудник самовольно покинул рабочее место. Так что гардеробщик был в библиотеке весьма важной фигурой.

Но все это, как говорится, были цветочки. Приступим к ягодам. В своих «Воспоминаниях» С.Я. Боровой пишет: «К концу 20-х гг. одесская «Публичка» стала ареной своеобразного «спектакля» – довольно характерного для нравов того времени» [54]. Далее он рассказывает об этом «спектакле», опираясь на свою великолепную память. Сейчас появилась возможность рассказать о нем, опираясь на документы.

В 1929 г. в библиотеке из 45 сотрудников только трое были членами партии и один – комсомольцем. Одним из трех партийцев была заместитель директора, заведующая кабинетом марксизма Елизавета Осиповна Нирина [55]. Отношения её с директором библиотеки И.С. Вугманом были напряженными. Возможно, причины были чисто идеологические, возможно, к ним примешивалась борьба за власть. Во всяком случае, Е.О. Нирина сумела очень ловко использовать сложившуюся обстановку. В конце 1928 г. она возбудила перед директором вопрос о недопустимости пребывания в библиотеке портрета М.М. Толстого, мотивируя это тем, что последний был эксплуататором и бежал от советской власти. Ну что стоило И.С. Вугману согласиться? Так тогда поступило бы большинство. Однако 27 ноября 1928 г. он обращается в Наркомпрос за руководящими указаниями, при этом подробно перечисляя заслуги М.М. Толстого перед библиотекой и подчеркивая, что «ни один из ответственных работников как Наркомпроса, так и местных органов, посещавших библиотеку в последние годы, не делали указаний относительно неуместности пребывания портрета М.М. Толстого в нынешнем помещении». Далее он пишет: «Будучи знакомым с линией, проводимой Советской властью в аналогичных условиях (например, при переименовании Румянцевской библиотеки в Публичную библиотеку СССР им. В.И. Ленина постановлением правительства один из залов был назван Румянцевским залом и тут был оставлен портрет Румянцева), я считаю предложение нашего старшего сотрудника неправильным. Однако, учитывая политический характер, придаваемый вопросу его инициатором, считаю необходимым просить Библиотечный отдел Упрнауки дать мне руководящие указания. Эти указания, чтобы предотвратить создание в Библиотеке нездоровых настроений, прошу дать в срочном порядке» [56]. Ответ был: «Немедленно ликвидировать признаки почитания «мецената», а портрет снять» [57]. Он и не мог быть другим, тем более, что явно с подачи Е.О. Нириной (её муж был редактором одесских «Известий») 12 декабря 1928 г. в газете «Пролетарий», издаваемой в Харькове, который был тогда столицей УССР, появилась статья некоего Е. Бермонта «Портрет камергера». Статья была написана в духе времени: «В ресторанном угаре прошла графская беззаботная юность, такой же, не менее торопливой походкой, миновали зрелые годы, а когда дело шло к уютной и спокойной старости, произошла «октябрьская неприятность». Граф спешно отбыл в Англию под броненосное крылышко английского короля, где сейчас он, по слухам, открыл ресторанчик, бойко торгуя французскими винами и русскими яствами... Группа сотрудников, которым надоела напыщенная физиономия царского камергера, потребовала, чтобы директор убрал портрет... Такая попытка вызвала бурное возмущение директора библиотеки Вугмана. В заслуженном желании работников библиотеки отпраздновать старый хлам на чердак, то есть туда, где ему полагается быть, директор усмотрел разрушение исторических ценностей и неуважение к заслуженным общественным деятелям... Борьба вокруг портрета приобрела политический характер. Советские библиотечные деятели, только в прошлом году добившиеся снятия царского герба, увидели в яркой защите графского изображения антиреволюционный поступок».

Не прошло и месяца, как шустрое перо Е. Бермонта накатало ещё один пасквиль – «Библиотека испанского короля» (Пролетарий. – 1929. – 4 янв.). Автор сообщает, что «на фельетон откликнулись Наркомпрос, обещавший немедленно запрятать камергера на чердак, и коммунисты, работающие в библиотеке». Как видим, Е. Бермонт определил жанр своих творений как фельетон, вот откуда прелестная игривость тона. О чем же сообщили бдительные коммунисты? Оказывается, «Вугман усиленно подбирает для библиотеки не только библиографические редкости, книжные драгоценности, тронутые крысами и тленом, а также исчезающие человеческие экземпляры, представителей вымирающих пород, всех потрепанных и ущемленных революцией... В библиотеке работают пахнущие мертвечиной дамы: дочь генерала с шумным и грязным именем, известная в краю сумасбродная барынька, бывшая крупная помещица, дочь царского прокурора, дочь какого-то губернатора и проч.». В заключение Е. Бермонт предлагает: «Портрет камергера, директора Вугмана, генеральских дочек – весь этот хлам нужно поскорее вынести на чердак, хорошо проветрить библиотечные комнаты, установить в центральном зале бюст Владимира Ильича и посадить за директорский стол крепкого советского культурника».

Местные власти, конечно же, не могли не прореагировать на эти сигналы. Была создана комиссия, с 12 по 27 января 1929г. обследовавшая библиотеку, допросившая директора, всех ответственных работников, весь состав месткома и некоторых технических работников. Выводы комиссии были следующими: на организации ГПБ лежит отпечаток формализма и бюрократии, читателям приходится долго выстаивать в очереди и проходить усложненные этапы контроля, штабелями лежат 400000 незарегистрированных книг, у директора сложились враждебные отношения даже с его замом, сотрудники запуганы директором, боятся сокращений и перевода на худшую работу, нет портретов революционных деятелей, даже Ленина, в то же время до сих пор есть немало портретов деятелей, чуждых советской власти. (И кто бы, вы думали, эти деятели? Нерон и Марк Аврелий!). А отсутствие портрета вождя пролетариата Вугман аргументировал тем, что его можно повесить только на то место, где был портрет Николая II, однако это нарушит стилевое единство большого читального зала, т.к. портрета, соответствующего размерам рамы

нет, а заказать его невозможно из-за отсутствия средств. Зато у директора нашлись деньги для покупки пылесоса и, что особенно возмущает комиссию, на покупку вазонов с живыми цветами для вестибюля. Ну и, конечно же, был упомянут портрет М.М. Толстого, вынесенный из музея только после указания Наркомпроса. Заключение комиссии было следующим: «И.С. Вугмана с работы снять, и даже рядовым сотрудником оставить его в библиотеке невозможно» [58].

И.С.Вугман пытается бороться. 15 февраля 1929 г. он шлет письмо в Управление научными учреждениями Наркомпроса, в котором все происходящее объясняет трениями между ним и Е.О. Нириной, которая устанавливает двоевластие, не составляет планов, не сообщает о ходе работ, ходит на работу нерегулярно и т.д. [59]. Письменный ответ Упрнауки в архивах не сохранился. Возможно, его и не было. Возможно, Вугману намекнули устно, что на посту директора ему не удержаться. Он пытается остаться в библиотеке рядовым сотрудником, для чего 2 марта 1929 г. отправляет в Упрнауку заявление с просьбой уволить его с поста директора и перевести на вакантную должность старшего библиотекаря. Приведенные причины достойны пространного цитирования: «Я никогда не чувствовал склонности к административно-руководящей работе, не рвался к ней и даже уклонялся от нее. Так, в 1920 г. я оставил руководящую библиотечную работу в аппарате Одесского губнарпросвещения и перешел на рядовую работу в ОПБ. Выдвижение меня на должность заместителя директора, последовавшее через 2 года, а затем еще через два года и на должность директора, было сделано соответствующими органами без всякого моего стремления или участия. Наоборот, я неоднократно заявлял ряду ответственных работников о своем желании оставить руководящую должность, но неизменно получал ответ, что моя работа признается полностью удовлетворительной, что проводимая мною линия абсолютно правильна, что было бы нелегко заменить меня равноценным работником, и поэтому я должен оставаться на месте. Со стороны известных специалистов библиотечного дела и библиографии, знакомившихся с постановкой работы в ОДПБ (Хавкиной и многими другими) я также находил позитивную оценку своего труда. Со стороны же местных и центральных советских органов такая оценка давалась не только словесно, но также материально и организационно. Так, когда я пребывал еще заместителем директора, Одесский губнаробраз назначил мне спецставку, значительно превышавшую ставку директора; позже, когда я уже был директором, Главполитпросвет также назначил мне – впервые в Украине – персональную ставку, превышавшую общеустановленную; при создании Госнаучметодкома Коллегия Наркомпроса, по ходатайству Главполитпросвета, ввела меня в число его членов, причем на всю Украину всего два библиотечных работника, включая меня, вошли в Государственный научно-методический комитет.

При таком отношении к моей работе и ко мне лично я не считал возможным настаивать на освобождении меня от административно-руководящих обязанностей и исполнял их в меру разума и сил.

Однако теперь я впервые встретился с целиком иной оценкой моей работы – Комиссия под председательством тов. Арнаутова признала её неудовлетворительной, а проводимую мною линию неправильной. Не считая целесообразным оспаривать правильность мнения Комиссии, я в то же время не вижу никакого смысла и никаких оснований для того, чтобы при такой оценке продолжать административно-руководящую работу, к которой я лично никакой склонности не чувствую и которая требует большой траты энергии, нервов и времени».

1 апреля 1929 г. И.С. Вугман был уволен с должности директора и назначен консультантом. Врио директора стала Е.О. Нирина. Уже через семь дней она подписала акт, по которому согласно распоряжению уполномоченного Упрнауки в Одессе портрет М.М. Толстого (без рамы) работы художника Н.Д. Кузнецова был передан в Одесский художественный музей. Там он доныне и пребывает. Интересно, что именно в этот день, 8 апреля, Е.О. Нирина подписала упомянутый уже приказ об употреблении украинского языка. Исключительно плодотворный получился денёк. Впрочем, её бурная деятельность на посту директора оказалась недолгой. Уже в конце мая она отправилась учиться в институт красной профессуры. Врио директора стал Я.З. Берман [60].

А Вугмана библиотечное начальство к работе консультанта не допустило. Посыпались его жалобы в Упрнауку. В ответ 6 июня 1929 г. было организовано заседание Одесского бюро секции научных работников под председательством Б.Л. Николаи, которое полностью одобрило выводы комиссии [61]. И.С.Вугман все же добился восстановления в библиотеке в должности консультанта и даже выплаты денег за вынужденный прогул, но ему были созданы столь невыносимые условия для работы, что он предпочел уехать в Москву.

Кем же был Илья Семенович Вугман? С.Я.Боровому он «представлялся самовлюбленным и мелочным бюрократам» [62]. Автору он представляется порядочным и смелым человеком. Во всяком случае, возглавив библиотеку в трудные годы, он многое для нее сделал и заслуживает, чтобы о нем помнили. Сведений о И.С.Вугмане практически не сохранилось. Некоторый свет на его биографию проливает следующий документ от 15 января 1924 г.:

«В Главполитпросвет

Губполитпросвет просит утвердить заместителя директора ГПБ тов. И.С.Вугмана (сейчас временно исполняет обязанности директора) в должности директора.

Тов. И.С.Вугман родился в 1890 г. Окончил математическое отделение физико-математического факультета Новороссийского университета. В библиотеках и в области народного образования работал с 1912 г. В 1919 г. и 1920 г. был вместе с тов. А.А.Арнаутовым, С.Н.Зусмановичем, Малеевым и др. инициатором и членом Президиума советской группы учителей, принимавших активное участие в организации Губнаробраза и ликвидации Учительского союза.

В 1919 г. был членом Коллегии школьного подотдела, в 1920 – заведующим библиотечной секцией внешкольного подотдела. С мая 1920 г. работает в ОГПБ, где прошел все виды работ и детально изучил сложный механизм библиотеки. Последние два года был фактическим руководителем библиотеки, проявил административные способности, большую работоспособность, любовь к делу и настойчивость в отстаивании интересов библиотеки.

Член Президиума бибсовета и член Правления Союза Работпрос
Ст. инспектор ГУБПП Миколюк».

Какова же дальнейшая судьба И.С.Вугмана? 15 августа 1930 г. в библиотеку под грифом «секретно» пришло письмо следующего содержания: «В ячейку ВКП(б) рабочих и служащих Тимирязевской академии подано заявление о приеме в партию т. Вугманом, бывшим директором одесской библиотеки. Просим выслать характеристику и отзыв о его работе за время пребывания в Одессе. Желательно было бы получить мнение всей партийной части библиотеки, а также и материалы, характеризующие его как работника» [63].

В библиотеке состоялось общее собрание сотрудников, на котором было решено «довести до сведения партячейки Тимирязевской сельскохозяйственной академии, что таким лицам, как гр. Вугман, не может быть места в рядах партии большевиков» [64]. Вот что гласил ответ, также под грифом «секретно», подписанный врио директора И.М.Трачевским [65]: «1. Гр. Вугман Илья Семенович, бывший меньшевик, будучи директором Одесской государственной библиотеки, всячески старался проводить линию, которая ничего общего не имеет с линией Партии и советской власти.

2. Гр. Вугман слыл в библиотеке за генерала и своим бюрократическим поведением терроризировал работников, особенно старался не допускать в библиотеку коммунистов.

3. Гр. Вугман стоял на страже великодержавного шовинизма и не только искривлял линию партии в отношении национальной политики, но и вел вредительскую работу, возбуждая тем самым местный шовинизм.

4. Все партийцы и комсомольцы, работающие в Одесской публичной библиотеке, считают, что гр. Вугмана нельзя не только принять в партию, но даже нельзя допустить в любое советское учреждение как бюрократа, антисоветский элемент, вредителя» [66].

Подписывая ответ, врио директора И.М.Трачевский счел нужным сообщить номер партийного билета: 0794904.

С этим документом была отправлена и уничижительная характеристика, данная членами месткома: «Вугман не представляет никакой научной ценности, не написал ни одного самостоятельного научного труда, совершил плагиат, издав брошюру бывшего директора библиотеки М.Попруженко под своим именем» [67].

Недоброжелатели И.С. Вугмана, желая его уничтожить, скорее всего, его спасли. Не став членом партии, он избежал репрессий и проработал, по свидетельству С.Я. Борового [68], до конца жизни в Библиотеке им. Ленина. Свидетельство это подтверждает следующий отрывок из письма А.Н. Тюнеевой Е.Л. Савицкой, работавшей в библиотеке в 1921-1924 гг.: «С Ильей Семеновичем приблизительно с 1933 г. не виделась и не переписывалась; знаю, что он работал все время в Ленинской библиотеке в Москве. Некоторые наши сотрудники бывали в Москве и виделись с ним. О смерти его ничего не слыхала». Письмо датировано 1955 г., и из текста можно предположить, что И.С. Вугман к тому времени умер. Однако у С.Я. Борового приведен другой год – 1962. Кроме того, благодаря Интернету, удалось установить еще один факт биографии И.С. Вугмана – он был в числе первых преподавателей кафедры библиотковедения Московского библиотечного института.

Но вернемся в библиотеку. В конце 1929 г. её проверяла еще одна комиссия, на этот раз на наличие архивных материалов. В состав комиссии, кроме сотрудников библиотеки, входили работники окрархива, крайархива, Истпарта, Музея Революции и, само собой, ГПУ [69]. Работа комиссии протекала в свойственной тому времени атмосфере подозрительности и поисков компромата. Музей книги был закрыт, его ключи переданы местному. На одном из заседаний комиссии заместитель директора Л.Самулевич проинформировала собравшихся о том, как она выявила хранящиеся в Музее и нигде не зарегистрированные документы, как «застукала» А.Н. Тюнееву, Я.З. Бермана и Е.А.Загоровского за перенесением материалов из Музея в кабинет директора [70]. После этого все документы из Музея, кабинета директора и секретной комнаты были перенесены в квартиру бывшего директора (то бишь И.С.Вугмана) и опечатаны [71].

Выводы комиссии были следующими: «1. Значительная часть выявленных документов имеет сугубо тайный характер. Администрация библиотеки в лице т. Вугмана не поставила в

известность соответствующие органы Советской власти, и тем самым их обманула. 2. Зав. Музеем книги Тюнеева хранила семейные архивы известных революционных и контрреволюционных деятелей. Среди листовок была найдена папка протоколов заседаний меньшевистского Совпрофа 1917 г., меньшевистские подпольные бюллетени и листовки, архив С.Ф.Штерна, редактора «Одесского листка» и др. 4. Администрация библиотеки должна сделать оргвыводы относительно Тюнеевой как человека, не пользующегося политическим доверием. 5. В библиотеке много неразобранных материалов, среди которых должно быть много материалов архивного значения, поставить перед ответственными органами вопрос об отпуске средств библиотеке для проведения работ по разборке книг и изъятию ценных архивных материалов» [72].

Большинство найденных материалов было передано в Одесский краевой исторический архив, часть – в Музей революции, часть – оставлена в Музее книги библиотеки. В самом конце работы комиссии ею в Музее книги были найдены два знамени: один Союза Русского Народа, другой – Союза Михаила Архангела! А.Н.Тюнеева, естественно, была уволена [73].

В начале 1930 г. прошла чистка библиотеки, десять сотрудников были уволены, «аппарат окоммунизирован». Впереди библиотеку ждали куда более тяжелые испытания. Но это уже тема для другого исследования.

Примечания

* Все цитаты без указания источников взяты из дел, хранящихся в архиве ОГНБ им. М.Горького.

1. Одеська державна наукова бібліотека імені М.Горького, 1829-1999 : бібліогр. покажч. – О., 2004. – С. 371-375 ; Професори Одеського (Новоросійського) університету : біогр. слов. – О., 2000. – Т. 3 : К-П. – С. 472-474 : портр. ; Там само. – 2-ге вид., доп. – О., 2005. – Т. 3 : К-П. – С. 529-531 : портр.

2. Вугман И.С. 95 лет жизни и деятельности Одесской государственной публичной библиотеки (1830-1925). – Л., 1926. – С.13.

3. Одеська державна... – С. 302-303.

4. Професори Одеського... – Т. 3 : К-П. – С. 475-478 : портр. ; Там само. – 2-ге вид., доп. – С. 532-535 : портр.

5. Лаппа-Старженецкая Е. А.И.Браудо (1864-1924) // Библ. обозрение. – 1925. – Кн. 1. – С. 4-19 : портр.

6. Страницы истории благотворительности в Одессе : к 100-летию вступления графа М.М.Толстого в должность попечителя Одесской городской публичной библиотеки : материалы конф., Одесса, 4 дек. 1997 г. / ОГНБ им. М.Горького. – О. : Друк, 2000. – 136 с. : ил.

7. Боровой С.Я. Одесская государственная научная библиотека в послеоктябрьский период // Исторический очерк ОГНБ им. М.Горького. – О., 1941. – С. 94.

8. Одеська державна... – С. 300.

9. Подрезова М.А. Библиотекари Одесского (Новороссийского) университета – мировой науке / М.А.Подрезова, В.В.Самодурова // Внесок Одес. нац. ун-ту ім. І.І.Мечникова у розвиток світової освіти, науки і техніки : матеріали наук. конф. Одеса, 16-18 трав. 2007 р. – С. 117-130.

10. Одеська державна... – С. 389-390.

11. Вугман И.С. 95 лет... – С. 14.

12. Професори Одеського... – Т. 4 : Р-Я. – С. 396-400 ; Там само. – 2-ге вид., доп. – С. 454-458 : портр.

13. Професори Одеського... – Т. 4 : Р-Я. – С. 294-299 : портр. ; Там само. – 2-ге вид., доп. – С. 332-337 : портр.

14. Вугман И.С. 95 лет... – С. 14.

15. Одеська державна... – С. 304-305.

16. Вугман И.С. 95 лет... – С. 14 ; ГАОО. – Ф. 150. – Оп. 1. – Д. 562. – Л. 2.

17. ГАОО. – Ф. 150. – Оп. 1. – Д. 562. – Л. 2.

18. Одеська державна... – С. 283.

19. Одеська державна... – С. 312-313.

20. Одеська державна... – С. 368-369.

21. Одеська державна... – С. 396-397.

22. Одеська державна... – С. 294.

23. ГАОО. – Ф. 134. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 114.

24. ГАОО. – Ф. 134. – Оп. 1. – Д. 1593. – Л. 55.

25. ГАОО. – Ф. Р-134. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 7.

26. ГАОО. – Ф. Р-134. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 12.

27. ГАОО. – Ф. Р-969. – Оп. 5. – Д. 104. – Л. 43, 43об.

28. ГАОО. – Ф. Р-134. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 8.

29. ГАОО. – Ф. Р-134. – Оп. 1. – Д. 1593. – Л. 30.

30. Вугман И.С. 95 лет жизни и деятельности Одесской государственной публичной библиотеки (1830-1925). – Л., 1926. – 19 с.; Боровой С.Я. Одесская... – С. 89-116; Коган Л.Р. Библиотечная жизнь Одессы до и после Октября // Красный библиотекарь. – 1927. – № 9. – С. 42-54.
31. Професори Одеського... – Т. 4 : Р-Я. – С. 38-42 : портр. ; Там само. – 2-ге вид., доп. – С. 41-44 : портр.
32. Зленко Г.Д. Гніздо Комарових // Пошук для прийдешнього / Г. Зленко. – О., 2004. – С. 213-217.
33. Боровой С.Я. Воспоминания. – М. ; Иерусалим, 1993. – С. 370.
34. ГАОО. – Ф. Р-134. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 28, 29.
35. ГАОО. – Ф. Р-134. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 34.
36. ГАОО. – Ф. Р-134. – Оп. 1. – Д. 66. – Л. 37а, 37а об., 43, 43об., 44.
37. Боровой С.Я. Одесская ... – С. 113.
38. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1-3.
39. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1-2.
40. Боровой С.Я. Одесская ... – С. 100.
41. ГАОО. – Ф. Р-969. – Оп. 5. – Д. 104. – Л. 266-270.
42. ГАОО. – Ф. Р-969. – Оп. 5. – Д. 104. – Л. 276-278.
43. УРЕ. – К., 1982. – Т. 7. – С. 339.
44. Кто есть кто, 1794-1994. – О., 1999. – С. 39.
45. ГАОО. – Ф. Р-969. – Оп. 5. – Д. 104. – Л. 287-288.
46. ГАОО. – Ф. Р-969. – Оп. 5. – Д. 104. – Л. 274-275, 276-278, 283-286.
47. ГАОО. – Ф. Р-969. – Оп. 5. – Д. 104. – Л. 258-265.
48. ГАОО. – Ф. Р-1129. – Оп. 1. – Д. 665. – Л. 2-8.
49. ГАОО. – Ф. Р-1234. – Оп. 1. – Д. 306. – Л. 45.
50. ГАОО. – Ф. Р-1234. – Оп. 1. – Д. 306. – Л. 46-47.
51. ГАОО. – Ф. Р-1234. – Оп. 1. – Д. 306. – Л. 48-49.
52. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 9.
53. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 23.
54. Боровой С.Я. Воспоминания. – С. 151.
55. Одеська державна... – С. 368.
56. ГАОО. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 81. – С. 82, 82об.
57. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 13.
58. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 14-15.
59. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 4-6.
60. Одеська державна... – С. 289.
61. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 13.
62. Боровой С.Я. Воспоминания. – С. 151.
63. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 6.
64. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 10.
65. Одеська державна... – С. 389.
66. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 7.
67. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 8.
68. Боровой С.Я. Воспоминания. – С. 151.
69. ГАОО. – Ф. 1287. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 9, 10.
70. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 22.
71. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 27.
72. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 50.
73. ГАОО. – Ф. Р-1287. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 41, 51, 51об., 71.